

Юрий А. Клейнер, Лариса Н. Каминская
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Университетская наб. 7-9, 199034 Санкт-Петербург, Россия
 Тел.: (7812) 312 1660
 E-mail: kleiner@YK1076.spb.edu, kaminska@LK1497.spb.edu

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ГЛАСНЫЙ И НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ФОНЕМА (К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗОВ)¹

В статье обсуждается вопрос о статусе так называемой неопределенной фонемы, претендующей на статус фонетического балканизма. Авторы делают вывод о неправомерности отождествления некоторых фонетических характеристик с единицей, наделяемой лингвистическим (фонологическим) статусом. По мнению авторов, тем более неправомерно отождествление таких единиц (фонем) в разных языках, поскольку фонема – по определению – специфична для системы каждого данного языка и не может быть универсалией. Универсальными, однако, могут быть условия той или иной реализации звуковой единицы, которой в каждом данном языке приписывается тот или иной функциональный статус. К таким условиям можно отнести и наличие в том или ином языке особой единицы, связанной исключительно с «безударной» позицией (морфологически слабой, например, некорневой) (аффиксальный, флективный) слог в германских языках или соответствующие слоги в языках, различающих разные акцентные парадигмы) и не отождествляемой ни с какими единицами, представленными в «ударных» (сильных) позициях. Напротив, в ряде балканских языков нейтральный гласный является реализацией фонемы, не связанной дистрибутивными ограничениями. В терминах лингвистических различительных признаков такая фонема определяется только отрицательно (не задняя, не передняя и т. д.), вследствие чего ее правомерно назвать «неопределенной фонемой». Поскольку такая фонема существует в сходных контекстах, возникших в результате сходных процессов, имевших место в ряде балканских языков, такую фонему (но не нейтральный гласный) действительно можно рассматривать как балканизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: типология языковых союзов, языковые контакты, фонетика и фонология балканских языков, нейтральный гласный, неопределенная фонема.

Список черт, общих для всех или нескольких балканских языков, связанных лишь отдаленным генетическим родством, был предложен К. Сандфельдом, который назвал эти черты «балканизмами», а общность языков, обусловившую особенности и, как следствие, сходство результатов их функционирования – «(Балканским) языковым союзом»². Именно на основе положения Сандфельда Н. С. Трубецкой построил теорию языковых союзов, впоследствии развитую Р. О. Якобсоном.

Балканизмы, выделенные Сандфельдом, относятся, главным образом, к области лексики и

синтаксиса. Приведенный им инвентарь лексических балканизмов говорит о высоком уровне адаптации этих лексем в каждом из языков, что указывает и на принципиальную возможность «фонетического перевода», т. е. на (опять же принципиальную) допустимость структурного единства фонологических систем балканских языков, а значит, и о некоей общей картине балканских языков и на фонологическом уровне³.

Проблема отнесения фонетически сходных явлений к «фонетическим балканизмам» осложняется тем, что (а) многие процессы,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ N 02-04-00087 а.

² SANDFELD, K. *Linguistique balkanique. Problemes et resultants*. Paris, 1930.

³ Ср.: ЛЕКОМЦЕВА, М. И. К типологии фонологических систем языков балканского полуострова и средиземноморья. In *Балканский лингвистический сборник*. Москва, 1977, с. 244

обусловившие такое сходство, завершились до образования Балканского языкового союза, и (б) сходные процессы (с аналогичными или близкими результатами) происходили и за пределами Балканского языкового союза.

Действительно, к числу фонетических балканизмов зачастую относят черты, которые, хотя и проявляются на фонологическом уровне в ряде балканских языков, однако не несут в себе ничего специфически балканского. Например, Ж. Фейе включает в список фонетических балканизмов наличие во всех балканских языках закрытых /i, u/, средних /e, o/, открытого /a/, в качестве балканизмов рассматривается также динамический характер ударения, отсутствие противопоставления долгих – кратких, ротовых – носовых⁴.

Ротацизм, отмеченный в румынском и албанском (тосский диалект), имел место в большинстве германских языков и латыни. Точно так же умлаут, широко представленный в албанском, происходил в германских и тюркских языках. То, что эти черты не являются специфически балканскими, не препятствует, тем не менее, тому, чтобы относить их к числу балканизмов, но лишь в том случае, если, во-первых, на их распространение повлияли контакты между балканскими языками, и, во-вторых, если существуют особые, специфически балканские условия их реализации. В качестве примера (причем одного из самых ярких) фонетического балканизма И. Савицкая приводит функционирование сочетания «носовой + смычный»⁵.

В то же время исследование, проведенное А. Лукиной⁶, наглядно показало, что особое функционирование этих сочетаний в каждом конкретном языке связано с особенностями его

исторического развития: изменением структуры слога в греческом, утратой безударного гласного в албанском, развитием носовых гласных в славянских языках. Причем надо отметить, что в некоторых языках, например в греческом, эти процессы завершились до образования Балканского языкового союза и, значит, не могли быть результатом контактов между балканскими языками. Иначе говоря, пользуясь выражением Р. О. Якобсона, мы имеем дело не с некоторым структурным новшеством, которое распространилось в рамках языкового союза, а с тождественным развитием, или точнее, развитием, приведшим к тождественному результату⁷.

Примером самого «старого» фонетического балканизма, выделенного еще Миклошичем, может служить наличие в ударной позиции гласного среднего ряда, засвидетельствованного в албанском, румынском и болгарском языках, и близкого по ряду характеристик к нейтральному гласному других языков. В балканских языках этот гласный обладает довольно устойчивыми акустическими характеристиками, ср.: F1 = 506 Hz, F2 = 1335 Hz (в румынском); F1 = 476 Hz, F2 = 1420 Hz (в албанском), и F1 = 450 Hz, F2 = 1300 Hz (в болгарском). С точки зрения артикуляторной, это гласный, образующийся органами речи в положении, близком к состоянию покоя. Иными словами, он не является ни передним, ни задним, ни огубленным и т. д., то есть вообще не описывается в терминах, используемых для описания всех прочих гласных.

С возникновением фонологии появилась необходимость определить фонологический статус и фонемную принадлежность каждого элемента звукового строя того или иного языка.

⁴ FEUILLET, J. La linguistique balcanique. In *Cahiers balcaniques*, 1986, IV, 10.

⁵ SAWICKA, I. *The Balkan Sprachbund in the Light of Phonetic Features*. Warszawa, 1997.

⁶ ЛУКИНА, А. А. Об одном фонетическом балканизме (рукопись).

⁷ ЯКОБСОН, Р. О теории фонологических союзов между языками. In *Избранные работы по лингвистике*. Благовещенск, 1995, с. 92–105.

В конечном счете это было вызвано необходимостью различать две связанные между собой, но в то же время совершенно самостоятельные области – фонетику и фонологию, в связи с чем и были предложены термины «нейтральный гласный» и «неопределенная фонема».

В качестве одного из условий существования «неопределенной фонемы» также предлагалось «отрицательное определение», но уже в терминах различительных признаков. Указывалось, например, что нейтральный гласный в английском языке определяется как не передний, не задний, не огубленный и т. д.⁸ Иначе говоря, [↔] – это не /e/, не /i/, не /u/ и т. д. Но тот же гласный можно представить и иначе, как это и делают Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле: «в английском языке... имеется гласная фонема, которая противопоставлена фонеме /a/ как диффузная, фонеме /i/ как низкая и бемольная, фонеме /u/ как небемольная (простая). На просодическом уровне эта фонема расщепляется на неударную /↔/ и ударную /'↔/ bear»⁹. «Признаки» в данном случае выводятся из произвольно выбранных оппозиций, точнее, из простого сравнения гласных (в сущности, независимо от конкретного языка). Налицо распространенная в фонологии ошибка, проистекающая из отождествления универсальных фонетических характеристик и лингвистических различительных признаков, которые могут быть выведены только из фонологической системы данного языка. Такая «универсалистская» точка зрения на признаки критиковалась в свое время М. И. Стеблин-Каменским и Г. В. Воронковой¹⁰. В каком-то смысле альтернативой

ему можно было бы считать подход Д. Тилкова, считающего, что фонологическое содержание нейтрального гласного определяется его неучастием в оппозициях или, точнее, принадлежностью его к подсистеме гласных, где все оппозиции нейтрализуются. Делается вывод, что нейтральный гласный представляет собой редуцированную форму гласных, встречающихся под ударением¹¹. Еще ранее к такому же выводу пришла Н. Б. Эрдели, которая, обсуждая статус нейтрального гласного в английском языке, пришла к выводу, что он является аллофоном ряда фонем¹². Предполагается, что аллофоническое варьирование носит характер редукции, вызванной отсутствием ударения. Здесь возникают новые трудности. Во-первых, ударение а priori рассматривается как фактор, определяющий позиционные условия. Во-вторых, термин «редукция» может иметь разное содержание, например, (а) ослабление гласного, сохраняющего тем не менее свое качество; (б) аллофоническое варьирование полноартикулируемого гласного с нейтральным («шва»); (с) замену полноартикулируемого гласного нейтральным (фонемная вариативность); наконец, (d) диахронический процесс, приводящий к (а) или (с). В английском языке, судя по всему, речь идет не об аллофоническом варьировании, то есть не об (а) или (б); однако вполне можно допустить, что «шва» в безударной позиции в «небрежной речи» отражает определенный тип произношения, представляющий собой иную, по сравнению с «полным» стилем, стадию (случай [d])¹³. В-третьих, общим недостатком всех этих подходов

⁸ ЛИБЕРМАН, А. С. Безударные гласные английского языка. In *Иностранные языки в школе*. 1970, № 5, с. 72–77.

⁹ ЯКОБСОН, Р.; ХАЛЛЕ, М. Фонология и ее отношение к фонетике. In *Новое в лингвистике*. Москва, 1962, вып. 2, с. 231–278.

¹⁰ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ, М. И. *Труды по филологии*. Санкт-Петербург, 2003.

¹¹ ТИЛКОВ, Д. Le phonème indéterminé. In *Phonetica*, 1972, № 26, с. 210–215.

¹² ЭРДЕЛИ, Н. Б. О нейтральном гласном в английском языке. In *Филологические науки*. 1960, № 1, с. 68–79.

¹³ Подробнее см.: КЛЕЙНЕР, Ю. А. *Проблемы просодики*. Санкт-Петербург, 2002.

является то, что ничем не доказанная «слабость» нейтрального гласного и противопоставленность его гласным «полноартикулируемым» просто постулируются. В результате нейтральный гласный становится такой же фонетической приметой безударности, как отсутствие того, что принято называть ударением (интенсивности, громкости и т. д.).

Возникает вопрос о правомерности введения понятия «неопределенной фонемы», отличной от всех прочих гласных фонем, и ее признаках, пусть даже определенных отрицательно, отличных от прочих вокалических признаков. Поскольку одним из таких признаков является [+ гласный], «шва» уже нельзя считать исключенным из фонологических систем тех языков, в которых этот гласный имеется. В свое время А. Аврам предложил исключить и этот признак, с тем, чтобы считать «неопределенной» только такую фонему, которая не является ни гласной, ни согласной¹⁴. В этом парадоксальном, на первый взгляд, предположении, в действительности, не содержится ничего необычного, ибо *не гласный и не согласный* означает одновременно и гласный, и согласный. К числу таких фонем, обладающих двойственной природой, относятся, например, сонанты, вокалические свойства которых (слоγοобразование) проявляются в менее сонорном окружении, или фонемы, реализующиеся в зависимости от окружения слоговыми и неслоговыми вариантами (i/j, u/w). (В данном случае столь же обоснованно можно говорить о большей включенности таких фонем в систему данного языка.)

В качестве неслогового варианта фонемы, к которой принадлежит и нейтральный гласный в старорумынском языке, А. Аврам предлагал

рассматривать назализацию (там же). Такое решение вполне допустимо при том, однако, условии, что оба «варианта» представляют собой реализации самостоятельных сегментных единиц, а не, скажем, их признаки, такие, как, например, палатальность, а в каких-то языках и назализация. Это относится к любым *фонетическим* реализациям, в том числе и к нейтральному гласному, который, в принципе, может образовывать монофонемные сочетания с предшествующим или последующим элементом.

Из всех критериев определения моно- и бифонемности наиболее применимым к рассматриваемой ситуации представляется критерий, предложенный М. В. Гординой. Он основан на принципе несовпадения слоговых и морфемных границ, например, в *ток – тока* ([to-ka], морфологически *ток#а*), между которыми оказывается сегмент, являющийся реализацией самостоятельной фонемы¹⁵. Нетрудно убедиться, что эта процедура применима и в данном случае. Морфологическая граница между нейтральным гласным и предшествующим согласным, с одной стороны, и слоговая граница между гласным и последующим сонантом – с другой, показывают, что нейтральный гласный не образует монофонемного сочетания ни с одним из согласных, ср. например, [næʒn↔lizm] *nationalism*: [næʒn↔lizm], морфологически *nation#alism*, то есть что он является реализацией самостоятельной фонемы и чередуется с нулем звука. Последнее обстоятельство (/[↔] – [0]/), возможно и объясняет «слабость» нейтрального гласного и его безударность во всех возможных контекстах. (Тяготение к слабой позиции может объясняться наличием гласного

¹⁴ AVRAM, A. Substance neutre et forme indéterminée. In *Cahiers de linguistique théorique et appliquée*, 1966, № III, с. 18.

¹⁵ ГОРДИНА, М. В. О различных функциональных единицах языка. In *Исследования по фонологии*. Москва, 1966, с. 177–178.

и согласного вариантов у фонемы, являющейся, таким образом, «гласной и согласной» скорее, нежели «ни гласной, ни согласной»¹⁶.) Заметим, что в американском английском /↔/ может находиться и в сильной позиции: *hurry*, *encourage*, а это значит, что этот гласный не отличается от всех прочих гласных американского английского и, во всяком случае, не является «слабым по природе».

Сходные процедуры применимы и к другим языкам, где встречается нейтральный гласный. В балканских языках, например, /u/ может находиться между слоговыми и морфемными границами, являясь, таким образом, реализацией самостоятельной фонемы, но ограниченной позиционно. В албанском, например, «шва» возможно как в аффиксальных, так и в корневых слогах, противопоставляясь всем остальным гласным, ср.: *të : te : ti : ty : (a)ta : (a)to; nën : nen, dëm : dem; mëk : mik : myk, fut : fjet* и т. д. В терминах различительных признаков такой гласный, естественно, определяется отрицательно: не /e/, не /i/, ни /y/, что действительно обуславливает некоторую специфичность его положения в фонологической системе, указывая на фонетическую нейтральность «шва», но ни в коем случае не на «слабость» гласного или «неопределенность» фонемы, реализацией которой он является.

Из всего сказанного выше с необходимостью следует вывод о неправомерности отождествления некоторых фонетических характеристик с единицей, наделяемой лингвистическим (фонологическим) статусом. Тем более неправомерно отождествление таких единиц (фонем) в разных языках, при том, что фонема – по определению – специфична для

системы каждого данного языка и не может быть универсалией. Универсальными, однако, могут быть условия, в которых существует та или иная реализация звуковой единицы, которой в каждом данном языке приписывается тот или иной функциональный статус. К таким условиям можно отнести и наличие в том или ином языке особой единицы, связанной исключительно с «безударной» (морфологически слабой¹⁷) позицией и не отождествляемой ни с какими единицами, представленными в «ударных» (сильных) позициях. К таким единицам относится, вне всякого сомнения, нейтральный гласный в ряде германских языков (английский, норвежский), который можно, таким образом, рассматривать как некоторую типологическую характеристику целой группы языков. Рассмотренный выше пример нейтрального гласного в американском варианте английского языка свидетельствует о переходе последнего в иной структурный тип.

Балканские языки относятся к структурному типу, отличному как от «британско-норвежского», где имеется особый гласный в слабой позиции, так и от «американского», где особыми условиями (наличием плотного контакта) характеризуется сильная позиция. В этом смысле, балканские языки, по-видимому, наиболее близки к языкам типа русского, с той лишь разницей, что в русском языке в слабой позиции представлен редуцированный вариант, отождествимый с одной из фонем в сильной позиции, тогда как, например, к албанскому понятие «редукции», скорее всего, просто неприменимо. Это несомненно снижает возможность использования нейтрального гласного в качестве типологической харак-

¹⁶ Не исключено, что в британском варианте английского языка нейтральный гласный также варьируется с согласным [r]. В этом случае [r] попадает в ту же категорию, что [i] и [u]. См.: КЛЕЙНЕР, Ю. А. Фонологическая интерпретация нейтрального гласного и r в английском языке. In *Kalbotyra*, 1977, t. 28, № 3, с. 23–29.

¹⁷ Например, некорневой (аффиксальный, флективный) слог в германских языках или соответствующие слоги в языках, различающих разные акцентные парадигмы.

теристики, но одновременно повышает возможность использования в этом качестве условий, в которых функционирует гласный.

При рассмотрении проблем языковых союзов типологический подход принято иногда противопоставлять ареальному¹⁸. Действительно, известная типологическая близость между балканскими языками и русским (см. выше) могла возникнуть вследствие сходной эволюции их фонологических систем. Точно так же наличие «шва» в ударных слогах в балканских языках и в американском английском не предполагает каких бы то ни было взаимоотношений (союза) между ними не только и не столько из-за их удаленности друг от друга, но, в первую очередь, из-за принадлежности этих языков к различным структурным типам. С другой стороны, истинное сходство не исключает, но скорее предполагает сходство типологическое. Иными словами, сходные явления обязательно возникают и существуют в (типологически) сходных условиях. В свою очередь, возникновение тех или иных условий может объясняться как ареальными (контактными), так и чисто типологическими (внутриструктурными) факторами. Примером действия последних может служить возникновение сходных количественных отношений (и, возможно,

акцентуации) в греческом, латыни и германских языках¹⁹. В этой связи не вполне ясно, можно ли рассматривать в качестве «политонического языкового союза»²⁰ скопление политонических (или трактуемых как политонические) языков в прибалтийском ареале. Напротив, утрата количественных противопоставлений в идише, вполне могла быть следствием контактов со славянскими и балтийскими языками, приведших, среди прочего, к замене германской слоговой структуры балтийской и славянской²¹.

Не обсуждая вопрос о сходстве и различии механизмов этого изменения и образования и распространения «шва» в слабых и сильных позициях в балканских языках, заметим, что и то, и другое могло произойти только при смешении значительных пластов лексики, что и обуславливает создание соответствующих системных условий, которые делают реальным «фонетический перевод» между языками, входящими в языковой союз. Это, в свою очередь, предполагает языковое смешение в целом, то есть активные языковые контакты, что, по-видимому, и имело место в истории языков, объединяющихся в языковые союзы, в том числе и языков балканского ареала.

¹⁸ Обсуждение этого см.: ЭДЕЛЬМАН, Д. И. К теории языкового союза. In *Вопросы языкознания*, 1978, № 3.

¹⁹ КЛЕЙНЕР, Ю. А. *Проблемы просодики*. Санкт-Петербург, 2002.

²⁰ ЯКОБСОН, Р. К характеристике евразийского языкового союза. In JAKOBSON, R. *Selected writings*. Paris, 1962, vol. 1, с. 157.

²¹ KLEINER, Y.; SVETOZAROVA, N. Quantity loss in Yiddish: a Slavic feature? In *Languages in contact*. Groningen, 2000.

Yuri A. Kleiner, Larissa N. Kaminskaya

Saint-Petersburg State University

THE NEUTRAL VOWEL AND THE INDETERMINATE PHONEME (SPRACHBUND TYPOLOGY)²²

Summary

It is erroneous methodologically to identify a set of phonetic features with a unit that has a systemic (phonemic) status within a certain language, and even more so, with phonetically similar units ('sounds') of different languages. Such cross-systemic approach to the phoneme is impossible by definition, for the phoneme is a language specific, rather than a universal notion. On the other hand, phonetically similar units in different languages can be the product of linguistically similar contexts (conditions). In this situation, both the conditions (contexts) and the units that manifest themselves in

these can be regarded as a typological characteristic of a group of languages in question. This applies to the so called neutral vowel ("schwa") either (a) limited to phonologically and morphologically weak (phonetically unstressed) positions (non-radical syllables in the Germanic languages) or (b) not characterized by any distributional limitations (the Balkan "schwa"). In the latter case, the phonetically neutral vowel is a manifestation of an "indeterminate phoneme", i. e. the phoneme that can only be defined negatively in terms of (linguistic) distinctive features. Since the contexts, in which this phoneme exists are similar in different Balkan languages, and since these contexts may have arisen as a result of contacts of languages where similar processes took place, the indeterminate phoneme (but not the neutral vowel) can indeed be regarded as a Balkanism.

KEY WORDS: Sprachbund typology, language contacts, phonetics and phonology of the Balkan languages, neutral vowel, indeterminate phoneme.

Gauta 2004 12 20

Priimta publikuoti 2005 03 21

²² The research was supported by a grant of the Russian National Research Foundation Nr 02-04-00087 a.